

К. Случевскій.

ЯВЛЕНІЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ

ПОДЪ

КРИТИКОЮ ЭСТЕТИКИ.

III.

О ТОМЪ

КАКЪ

ПИСАРЕВЪ ЭСТЕТИКУ РАЗРУШАЛЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ печати въ В. Головина, у Владимірской церкви, домъ барона Фредерикса № 15, кв. № 3.

1867.

Дозволено ценсурою, С.-Петербургъ, 16 Февраля 1867 года.

При всемъ желаніи моемъ, догадливый читатель, написать тебѣ о Писаревѣ на цѣлый полтинникъ, — я никакъ не могъ сдѣлать этого. Критикуемаго Писарева хватило только на сорокъ копѣекъ безъ пяти!

Для того, чтобы достойно начать мою статейку о Писаревѣ, позволь мнѣ, читатель, сказать тебѣ два слова о томъ, какъ встрѣчены были «Явленія русской жизни» въ нашей литературѣ. Эта встрѣча — фактъ многозначительный. Долго, очень долго молчали наши писаки. — Я думалъ: вотъ, подожду немного, они, вѣроятно, справляются со своими свѣдѣніями, это требуетъ времени, настоящую критику написать нелегко. И, вѣдаетъ Богъ, читатель, какъ тревожно было мое ожиданіе; вотъ, вотъ, думалъ я, разгромить меня. Кромѣ того, я положительно желалъ поправокъ, я ждалъ, что мнѣ укажутъ ошибки. Однако лучше, читатель, вмѣсто того, чтобы описывать тебѣ боязливость, робость мою, поставлю я точки.....

Но вотъ «помавая носомъ», точно какъ Nicolas въ романѣ «Что дѣлать», — расправляя руки, вышли мнѣ на встрѣчу два цѣнителя. Оба безподписные... даже не псевдонимы, — значить изъ храбрыхъ. Выступили они въ двухъ журнальчикахъ, о которыхъ мало кто знаетъ, поэтому не назову ихъ и я. — Послѣ долгаго созерцанія этихъ критикъ, точно какъ при отысканіи имени мастера неизвѣстной картины, — слѣдя за способами выраженія, за характеромъ красокъ, освѣщенія и проч., пришелъ я къ заключенію, что одна изъ критикъ написана кѣмъ нибудь изъ переводчиковъ

другая — кѣмъ нибудь изъ школы Писарева. Если я ошибаюсь, то прошу тутъ же извиненія у почтенныхъ гг. Курочкина и Писарева. Я сдѣлалъ здѣсь совершенно тоже, что дѣлаетъ всякій эстетическій цѣнитель: неизвѣстно кѣмъ писанную картину приписываетъ онъ тому или другому мастеру. Цѣнители часто ошибаются, ошибиться могъ и я, — прошу извиненія. Но почему-же, спросить читатель, пришелъ я къ такому заключенію? Вотъ почему.

На одну критику взглянулъ я съ чисто художественной точки зрѣнія — и нашелъ, что пріемъ рисунка ея — писаревскій. Въ этой критикѣ взята моя статейка о Прудонѣ, сопоставлена съ какою-то поваренною книгою; меня заставляютъ въ ней говорить словами повара, повара — моими словами. Ну, этотъ критическій пріемъ могъ изойти только отъ послѣдователя Писарева, — давнымъ давно сравнившего Рафаэля съ Дюссо. Наивнѣе всего то, что кончаетъ критику словами: ошибки Прудона, указанныя Случевскимъ, ничего не мѣняютъ въ его книгѣ.

На другую критику взглянулъ я съ чисто психологической точки зрѣнія; въ моей статейкѣ изъ 65 страницъ, — посвящено переводчикамъ только двѣ; въ этой-же критикѣ болѣе половины столбцовъ посвящено защитѣ переводчиковъ. Извѣстное дѣло: люди прежде всего защищаютъ себя, слѣдовательно защищался какой нибудь переводчикъ; главный изъ нихъ (онъ-же и предисловщикъ) Курочкинъ, слѣдовательно, думалъ я, эта критика писана можетъ быть и Курочкинымъ.

Въ обоихъ критикахъ есть три общія черты: 1) помянуты мои покойные стихи, ага! — это, значитъ, критикамъ надо было чѣмъ нибудь наполнить страницы, ну и обратились къ прошедшему; надо принять это въ соображеніе и сдѣлать въ другой разъ самому; 2) оба критика удивлены тѣмъ, что я отнимаю у Прудона — политико-эконома, право говорить объ искусствѣ, — ага! это значитъ, оба критика готовы тоже говорить обо всемъ, ничего не зная; 3) въ обоихъ критикахъ не

опровергнуть *ни одинъ* фактъ, приведенный мною, — въ обоихъ критикахъ обращено особенное вниманіе на знаки препинанія, на выраженія темныя и часто неправильныя. Въ этихъ замѣчаніяхъ, равно какъ въ вѣрности фактовъ, я совершенно согласенъ съ критиками.

Ну, какъ ты думаешь, читатель, что это такое эти критики? Я, авторъ, отъ души смѣялся надъ ними (а начавъ читать, я думалъ учиться), особенно надъ приведеніемъ такихъ ученыхъ, которыхъ никогда не существовало (Пирша, Герхаста?!), — но ты-то читатель, — вѣдь осмѣянь критиками ты! Во что ставятъ они тебя, эти милые, милые люди! Ты, читатель, долженъ быть глубоко оскорбленъ.

Между прочимъ, меня продернулъ и фельетонистъ «Петербургскихъ Вѣдомостей», — опять безподписный, или, лучше, псевдонимъ. Странно, неужели редакторъ Коршъ не понимаетъ всей неосторожности подобныхъ продергиваній. Посмотримъ, что будетъ дальше?

К. Случевскій.

Февраль 1867 г.
Петербургъ.

Никогда, нѣтъ никогда съ тѣхъ поръ, какъ незабудки цвѣтутъ голубымъ цвѣтомъ, а у собакъ хвостъ вырастаетъ на продолженіи спиннаго хребта, — не случилось подобнаго стеченія обстоятельствъ. Человѣкомъ взята одна изъ наукъ, — положимъ, совершенно негодныхъ, — наукъ, назначенныхъ сгнбнуть въ будущемъ, — и уничтожена. А уничтожена она прямо словами, безъ намека на настоящее знаніе этой же науки; такъ что критикъ, на подобнаго рода выходку, не придется почти совершенно говорить о наукѣ, — а надо ограничиться борьбою въ логикѣ, въ словахъ. Никогда не бывало ничего подобнаго, господинъ читатель, — и вотъ почему. Лютеръ, напрімѣръ, задумалъ подрить католическую церковь; — что сдѣлалъ онъ для этого? онъ изучилъ католическую церковь лучше самихъ католиковъ, — такъ что когда ему пришлось спорить съ папскими защитниками: Каэтаномъ, Эккомъ, онъ зналъ ихъ дѣло лучше ихъ. Страусъ, задумавъ вести борьбу со старыми западными теологами и установить большую правильность въ пониманіи іудейскихъ писаній, прежде всего занялся этими іудейскими книгами, — и, вступая въ борьбу, зналъ ихъ лучше самихъ теологовъ. Въ господиѣ Писаревѣ (да простятъ мнѣ Лютеръ и Страусъ) нѣтъ и тѣни знанія эстетики, — и онъ все таки разрушаетъ ее. Предшественникъ его, господинъ Ч*, хотя имѣлъ какую нибудь подкладку въ Фишерѣ, — а этотъ не имѣлъ ровно ничего, — за то онъ геній, говорятъ; а мало ли чего не говорятъ?

Въ достопамятномъ маѣ мѣсяцѣ 1865 года, — «Рус-

ское Слово» открыло широчайшее лоно свое для статьи Писарева «Разрушеніе эстетики», и въ самомъ началѣ статьи говорится людямъ, что подлость, ловушки, притворство — дѣло позволительное. Ну вотъ я опять вижу, читатель, что вы смѣтаетесь, — откройте статью, пойдѣте со мною.

Въ статьѣ говорится: «когда какаянибудь новая мысль только что начинаетъ прокладывать себѣ дорогу... представители новой мысли подводятъ итоги всему запасу убѣжденій, выработанныхъ прежними дѣятелями... Подводя итоги, представитель новой идеи принужденъ становиться на точку зрѣнія своихъ противниковъ (1)... надо говорить съ обществомъ въ томъ тонѣ, къ которому оно привыкло... привлеки къ себѣ такимъ образомъ сердце довѣрчиваго читателя... надо разбить на мелкіе кусочки старое, развѣять порошокъ на всѣ четыре стороны (2)... Куда жъ ты дѣвалъ старое, которое ты уважалъ? спросить довѣрчивый читатель. Улетѣло твое прошедшее, отвѣтитъ писатель и вздохнетъ читатель... Когда, такимъ образомъ, читатель будетъ обузданъ и посаженъ за работу, тогда!!.. ну, что же тогда!!! Представьте себѣ въ самомъ дѣлѣ картиною то, что здѣсь сказано: является Писаревъ съ огромнымъ количествомъ уздъ, — вся русская публика, обращенная въ лошадей подбѣгаетъ къ нему — дать зануздать себя; Писаревъ беретъ хлысть и ну учить... Скачетъ русскій людъ, наострая уши, — а онъ-то, онъ, ну хлестать, ну перехлестывать, — добро занузданы.

Разыгравъ такимъ образомъ Конрада Валленрода, господинъ Писаревъ, — (этого никто не знаетъ, но это навѣрное было) приходитъ въ злобу и негодование на Мицкевича, какъ могъ онъ дать впередъ тотъ типъ дѣйствія, который хотѣлъ избрать себѣ онъ, Писаревъ; причемъ Мицкевичъ поворачивается въ своей могилѣ на Монмартрѣ, а поляки, при этомъ удобномъ случаѣ, дѣлаютъ еще одну революцію и окончательно губятъ себя. По случаю этой революціи одинъ изъ моихъ пріятелей теряетъ ногу и получаетъ крестъ; крестъ даетъ ему богатую невѣсту-

жену, въ жену влюбляется князь X* — они бѣгутъ; пріятель мой не можетъ слѣдовать за ними, — у него одна нога. Князь занималъ видное мѣсто — это ведетъ къ неудовольствію на министра, перемѣну министерства, а съ нею и внѣшней политики; судьба Австріи рѣшена и пр. и пр. И все это потому, что Писаревъ написалъ нѣсколько словъ.

Замѣтите, господа — Писаревъ въ основаніе своей ловушки кладетъ то мнѣніе, будто онъ (совсѣмъ какъ Лютеръ и Страусъ) становится на точку зрѣнія своихъ противниковъ, говоритъ съ обществомъ въ томъ тонѣ, къ которому оно привыкло... Это сущая неправда, господа, и прямое противорѣчіе себѣ въ Писаревѣ: онъ не дѣлаетъ этого, потому что не знаетъ эстетики, не читалъ ни одной эстетической книги; да кромѣ того, до явленія Писарева, къ его тону общество ей-ей не привыкало: о Бѣлинскомъ нечего и говорить, но, даже, въ Добролюбовѣ.

Вотъ съ чего начинается Писаревъ свою статью: онъ прямо говоритъ, что устраиваетъ ловушки и, поймавъ, одѣваетъ намордники: и это говорилъ онъ съ небольшимъ полтора года назадъ; и никто не догадался, что эти слова двойное неблагородство (ловушка и насиліе)! они не вызвали никого, чтобы убить Писарева на повалъ, — критикою, изслѣдованіемъ, сатирою!!

Все унижительное словопреніе, силившееся сдѣлать изъ науки западную, изъ общества — конскій табунъ, имѣло свою причину вотъ въ чемъ: авторъ намъ уже знакомыхъ «Эстетическихъ отношеній искусства къ дѣйствительности», господинъ Ч*, по мнѣнію Писарева, сдѣлалъ именно это: онъ оставилъ стоять кое-какіе столбики эстетики только потому, что понималъ необходимость «радикально уничтожить эстетику и навсегда отрезвить людей» (3). По правдѣ сказать, мы, которые познакомились съ книгою Ч*, положительно не можемъ вывести этого намѣренія его — даже изъ словъ предисловія: «если еще стоитъ говорить объ эстетикѣ». Если Ч* говоритъ объ эстетикѣ, значитъ стоитъ говорить; если Писаревъ разрушаетъ эсте-

тику, значить есть что разрушать. Этой задней мысли, отысканной Писаревымъ въ Ч*, не могъ, точно также какъ и мы, отыскать критикъ «Современника», и за это напустился на него Писаревъ со всею стремительностью своею. Споръ между обоими не будетъ занимать насъ, — намъ есть дѣло только до Писарева. — Обратимъ вниманіе, читатель, на безконечно знаменательный фактъ статьи Писарева: онъ увидѣлъ въ книгѣ Ч* то, чего въ ней совсѣмъ нѣтъ. Обратите вниманіе ваше, читатель, на это: вѣдь если Писаревъ сдѣлалъ это, отчего не сдѣлать мнѣ, на примѣръ, чего нибудь въ родѣ слѣдующаго: вообразить, что всѣ деньги въ чужихъ карманахъ — мои деньги, или вообразить, на примѣръ, что всѣ жены на землѣ — мои жены. Если вы сдѣлаете послѣднее предположеніе, переставаетъ меня читатель, вамъ придется считать всѣхъ дѣтей на свѣтѣ вашими дѣтьми? нѣтъ-съ, отвѣчаю я ему. А почему нѣтъ?... въ отвѣтъ на это, улыбаясь глупою чухонскою улыбкою, я говорю: потому что мнѣ это такъ кажется. Читатель! это писаревскій способъ доказательства. Прости меня, читатель, за это каляканье. Но вѣдь я имѣю дѣло съ Писаревымъ, — вѣдь я поставленъ въ самое затруднительное положеніе — разбирать болтуна. Вотъ, еслибъ у насъ съ Писаревымъ сложился публичный диспутъ на подобіе Погодинско-Костомаровскаго, — я бы могъ доказать тебѣ, какъ $2 \times 2 = 4$, что Писаревъ не отличить въ искусствѣ трехъ орденовъ колонъ, не скажетъ года смерти Рафаэля, что онъ удивится вопросу о различіи гравюры, политипажа, eau forte; что онъ не отличить арлекина отъ сонаты, пентельскаго мрамора отъ гамлетовскаго монолога; а объ умѣнии его отличить триумфальную арку отъ киселя, — объ этомъ и думать нечего.

Принимаясь критиковать Писарева (надо-бы имѣть въ русскомъ языкѣ другое слово для выраженія отчетовъ о Писаревѣ и ему подобныхъ), я чувствую внутренно нелѣпость этой знаменитой заповѣди романа «Что дѣлать»: «жертва эта — сапоги въ смятку». Я положительно приношу жертву, говоря о Писаревѣ.

Писаревъ обладаетъ очень оригинальнымъ приѣмомъ доказательствъ: если ему хочется опровергнуть что нибудь, — онъ беретъ это что нибудь въ его послѣднемъ, крайнемъ значеніи, говоритъ читателю, что вѣдь въ этомъ крайнемъ значеніи это «что нибудь» нелѣпость, слѣдовательно, оно и всегда и во всемъ нелѣпость. Напримѣръ, вотъ какъ-бы поступилъ Писаревъ, придерживаясь этого способа доказательствъ, для того, чтобы опровергнуть «необходимость дѣлать добро». Онъ-бы сказалъ: дѣлать добро, значитъ лишать себя извѣстнаго рода удобствъ для того, чтобы дать возможность другимъ пользоваться ими. Если я много хожу, дѣлаю сильныя движенія, — я выдыхаю много углерода и поглощаю много кислорода; этимъ я лишаяю другихъ возможности вдыхать этотъ кислородъ. Слѣдовательно, чтобы быть идеально добрымъ человѣкомъ, я долженъ сидѣть на мѣстѣ, недвигаться, не пользоваться лишнимъ кислородомъ; подобнаго рода высиживаніе добродѣтели нелѣпость, слѣдовательно и всякое дѣланіе добра нелѣпость.

Чтобы читатель не подумалъ, что я ошибаюсь или натягиваю всѣми средствами опроверженіе, — я возьму обращикъ изъ самого Писарева. Онъ говоритъ, напримѣръ, что если признавать ваганіе за искусство, то надо признать, что и въ дѣланіи слоеныхъ пирожковъ участвуетъ оно (стр. 15); что если люди согласны видѣть художниковъ въ Моцартѣ и Рафаэлѣ, отчего не признать художниками повара Дюссо и маркера Тюрю (14).

Безъ всякаго, безъ малѣйшаго сомнѣнія раздѣляю я мнѣніе Писарева. Одно изъ основныхъ правилъ эстетики — это возможно полное удовлетвореніе цѣлесообразности. Я положительно утверждаю, что тѣ пирожки, что назначены для ѣды безъ помощи тарелокъ, пальцами, — должны быть отнюдь не болѣе извѣстной величины; что такого рода пирожки должны быть хорошо и прочно свернуты, — чтобы не рассыпаться; что они не должны быть приготовлены на прогорклomъ маслѣ; что готовить ихъ съ вареньемъ и на рыбьемъ жирѣ — не должно, и проч.; безъ

всякаго сомнѣнія раздѣляю я мнѣніе Писарева о томъ, будто Моцартъ, Рафаэль и Дюссо — художники: всѣ трое неоспоримо свободны въ выборѣ своихъ предметовъ, въ средствахъ выраженія, величинѣ и обликѣ ихъ созданій; — но маркеръ Тюрю положительно не художникъ. Маркеръ не свободенъ въ выборѣ своихъ предметовъ (онъ обязанъ играть со всякимъ), въ средствахъ выраженія (я могу играть съ нимъ въ пирамиду, пять шаровъ и проч.), въ величинѣ и обликѣ созданій (я могу играть съ нимъ одну, двѣ партіи, часъ, три часа). Зачѣмъ-же называть художникомъ маркера, — или вы разумѣли подъ именемъ маркера что нибудь совершенно особенное, — на примѣръ Людовика XIV, царствовавшего въ носовомъ платкѣ? (Собственно говоря и о Дюссо можно бы сказать тоже что и о Тюрю); тогда просилъ-бы я васъ объясниться.

Вы говорите, что парикмахеръ — *artiste en cheveux*, — я могу васъ увѣрить, что не только онъ артистъ, но въ Парижѣ есть цѣлыя школы парикмахеровъ, — что это искусство было на высокой степени развитія еще въ Римѣ: стоитъ вспомнить о бюстахъ императрицъ Сабинны — жены Адриана, Фаустины — жены Антонина Пія, Юліи Домны — жены С. Севера, и др. Вы говорите, что мебельщикъ Туръ художникъ, — я увѣряю васъ, что не только онъ, но всякій изъ хорошихъ подмастерьевъ его — художникъ. Я положительно утверждаю, что даже вывѣски на улицахъ съ ихъ окороками, коптящимися надъ вулканомъ, — подлежатъ изученію эстетики, и не даромъ въ Помпеѣ тщательно списываютъ всѣ каракульки, оставшіяся на стѣнахъ отъ тогдашнихъ гулякъ и мальчишекъ; — надписи въ циркѣ на примѣръ, послужили объясненіемъ не одному памятнику (Овербекъ *Pompeii II*, 111). Тутъ, конечно, сталкиваются два теченія: археологіи и исторіи искусствъ, — о границахъ той и другой можно спорить безконечно.

Вы не видите отличія въ наслажденіи созерцаніемъ римскаго портика — и созерцаніемъ формы киселя; я иду еще дальше, — я стою положительно за кисель: для

наслажденія имъ стоитъ мнѣ сказать два слова кухаркѣ, — для наслажденія портикомъ долженъ я ѣхать въ Римъ. Вы утверждаете, что старуха, которая бѣлится и румянится передъ зеркаломъ — художникъ, потому что превращаетъ свою особу въ художественное произведеніе (18)... нѣтъ-съ, позвольте, съ этимъ не могу я согласиться, какъ и съ маркеромъ Тюрею, и вотъ почему: одно изъ основныхъ правилъ эстетики — это требованіе правды. Старуха, которая румянится, выигрываетъ въ краскѣ, но зато теряетъ въ правдѣ, и этимъ самымъ отходить она совершенно отъ истиннаго назначенія художника X и отъ основнаго требованія эстетики.

Господинъ Писаревъ видимо озадаченъ моею уступчивостью. Онъ думалъ, что доводитъ свои умозаключенія до послѣднихъ, самыхъ послѣднихъ, и вдругъ, о ужасъ! наткнулся онъ на человѣка, который идетъ еще дальше его. Все могъ онъ вынести, — одного не могъ онъ вынести, — это того, чтобы съ нимъ согласились. Ему никакъ не хотѣлось, чтобы съ нимъ соглашались, — онъ хотѣлъ быть непременно одинъ, во что бы то ни стало одинъ, — какъ эта магнитная скала арабской сказки, — вытягивавшая всѣ гвозди изъ кораблей подходившихъ къ ней, — и этимъ потоплявшая ихъ. Но напoлся баринъ и сколотилъ корабль деревянными гвоздями.

Да, читатель, есть удивительныя личности въ современной русской литературѣ, особенно много было ихъ между критиками. И такіе они, казалось, люди благонамѣренныя, и такими они обладали великими талантами, и такимъ они елеемъ мазали сердце человѣческое, и такъ они безконечно хорошо и гладко говорили, что публика должна была растаять, непременно должна была растаять и приписать это странное, чудотворное вліяніе ихъ критики, — силѣ правды, замурованной въ строчки, слова, знаки препинанія этихъ критикъ (12). И посмотрите, какъ хорошо обставили они себя, какъ оградились отъ всякаго неожиданнаго нападенія! «Съ тѣхъ поръ, какъ солнце свѣтитъ и весь міръ стоитъ, ни толстый

ность, ни большой ротъ, ни жидкіе или рыжіе волосы не помѣшали никому сдѣлаться полезнымъ и великимъ человекомъ (6)... Критикъ долженъ быть живымъ человекомъ, «который вносить и обязанъ вносить въ свою дѣятельность все свое личное міросозерцаніе, весь свой индивидуальный характеръ, весь свой образъ мыслей, всю совокупность своихъ человѣческихъ и гражданскихъ убѣжденій, надеждъ и желаній» (20): (Здѣсь не могу я удержаться отъ того, чтобы не привести опредѣленія критика, сдѣланнаго Incognito: «критикъ дѣлается возможнымъ только тогда, когда изъ знанія уединенныхъ и раздробленныхъ фактовъ у него составилось общее пониманіе ихъ, когда онъ носитъ въ себѣ цѣлое міровоззрѣніе, выработанное до художественной отчетливости». Ну развѣ Incognito и Писаревъ опредѣляютъ критика не совершенно одинаково? Откуда-же разница въ воззрѣніяхъ? Откуда причина того, что одинъ и тотъ-же Васильевъ 2-й въ Іоаннѣ Грозномъ критикуются *диаметрально* противоположно въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и «Голосѣ», *въ одинъ и тотъ-же день*? Я вамъ скажу читатель: изъ себя идутъ эти критики, нѣтъ у нихъ знанья, ну и валяютъ, какъ приходится, какъ выгодно).

Понимаете-ли вы, догадливый читатель, весь смыслъ этихъ словъ? они значатъ вотъ что: не только можешь ты быть уродомъ физическимъ, но и уродомъ нравственнымъ и все таки стать критикомъ. Въ ту секунду, какъ у тебя появились на твоёмъ нравственномъ существѣ ввидѣ пупырышковъ «*личный образъ мыслей, личное міросозерцаніе, личный характеръ, личное убѣжденіе*», — говори, говори — всѣ должны тебя слушать. «Русское Слово» на примѣръ, какъ конгломератъ личныхъ убѣжденій и пр. было полно подобныхъ пупырышковъ, — и почти въ одномъ и томъ-же мѣсяцѣ трое изъ «ихнихъ» напали на другихъ трехъ изъ «тамошнихъ»: Соколовъ на Милля, Писаревъ на Пушкина, Зайцевъ на Маколея. Еще сколько нибудь основанія имѣлъ Соколовъ, въ бессмысленное переходили Писаревъ и Зайцевъ. Да, вотъ что значить,

когда нравственный пупырышек развивается въ цѣлую систему понятій и требованій. Эти нравственные пупырышки не только что развивались, но они обладали способностью всѣхъ цѣпкихъ, вьющихся растений; они хватали и завербовывали въ свое общество всѣхъ слабыхъ, хромыхъ, сухихъ, больныхъ, чающихъ движенія воды, — таковъ напр. поэтикъ «Русскаго Слова», имени котораго не хочу приводить; послушайте это стихотвореніе:

Думу-ль горькую я задумаю
 Про мою судьбу, про угрюмую;
 Загадаю-ли про суровую
 Про красавицу чернобровую;
 Иль на улицѣ пьянь препьянъ лежу,
 Да прищуря глазъ на людей гляжу,
 Не замай меня, ясна сокола:
 Обходи, смотри кругомъ, около.
 И въ ту пору я богатырь себѣ!
 Хоть красавицѣ, хоть лихой судьбѣ,
 Всѣмъ отмѣряю русской мѣркою...
 Не замай меня — исковеркаю.

Во первыхъ у того, кто пишетъ стихи судьба далеко не угрюмая, онъ получаетъ по 1, 2, 3—5 рублей за строку; за тѣмъ, никогда русская народная поэзія не давала эпитета «ясна сокола» — препьяному, да еще и лежащему; далѣе, если онъ, этотъ соколъ лежитъ, да еще посреди улицы, — онъ по самымъ положительнымъ причинамъ не «богатырь». Далѣе: самое понятіе богатырь несетъ въ себѣ искони вѣковъ понятіе защитника красавицъ, — слѣдовательно богатырь, бьющій красавицу — это вздоръ. Богатырь никогда ни въ какомъ случаѣ не коверкалъ своего противника, — онъ его убивалъ, но не коверкалъ, — это недостойно богатыря. Кромѣ того, въ стихотвореніи забыты 2 существенныя условія правды, — 1) даже въ деревняхъ есть своя полиція, и пьяныхъ не оставляютъ долго лежать на улицахъ; 2) ну а если я, встрѣчный, сильнѣе этого пьянаго (что весьма вѣроятно, я могу стоять на ногахъ), да не онъ меня, а я его исковеркаю, вѣдь это будетъ пресмѣшная исторія, и съ этимъ конечно, бросится все стихотвореніе въ печку.

Видите: господинъ поэтигъ писалъ подь дудку своихъ господь; а что касается до редактора, господина Благосвѣтлова, — онъ не смоетъ со своего имени никогда грустной знаменитости этого редакторства, этой вербовки поклонниковъ, подь свистъ пущенныхъ въ дѣло линьковъ, подь паденіе всякой правды и человѣческаго достоинства. Кто поручится за господина Благосвѣтлова, что онъ, начавъ съ умѣреннаго «Русскаго Слова» и дойдя до безмѣрнаго, — не вернется назадъ и не станетъ издавать какого нибудь журнала банкировъ съ социалистическими воззрѣніями, или теологической недѣльной газеты съ участіемъ Фохта, Фейербаха и Дюссо.

Но посмотрите, господинъ читатель, какъ разрушаетъ Писаревъ эстетику: *«прекрасно только то, что нравится намъ, всѣ разнообразнѣйшія понятія о красотѣ одинаково законны — этимъ эстетика разсыпается въ прахъ»* (?). Каждое изъ этихъ положеній вздоръ и опровергается на самомъ Писаревѣ.

1) *«Прекрасно только то, что нравится намъ»*; слѣдовательно, если мы докажемъ, что Писареву одна и таже вещь нравится и не нравится, — мы прійдемъ къ заключенію, что онъ самъ не знаетъ, что ему нравится, что даже слово «нравится» — не можетъ быть употребляемо имъ въ рѣчи. Господину Писареву нравится разрушить эстетику, — онъ даже озаглавливаетъ свою статью этимъ громкимъ именемъ разрушенія, — слѣдовательно для него разрушеніе эстетики прекрасно. Но, съ другой стороны, онъ допускаетъ возможность талантливой и хорошей игры актера (17); въ «Нерѣшенномъ Вопросѣ» говоритъ онъ самымъ положительнымъ образомъ о идеяхъ «истины, добра и красоты»; въ разборѣ Базарова нападаетъ онъ на Базарова за то, что тотъ смѣется надъ Аркадіемъ, любующимся природою, — слѣдовательно Писаревъ признаетъ наслажденіе созерцаніемъ природы и видитъ въ каждой рѣкѣ не только извѣстное количество воды для мытья и пр. Онъ положительно признаетъ законность, необходимость искусства (22); и слѣдовательно находитъ извѣстныя

проявленія искусства прекрасными. Т. е. эстетика не должна существовать, — но искусство должно существовать; да вѣдь если искусство должно существовать, то есть и ученіе этому искусству, есть правила, слѣдовательно есть и эстетика.

2) «*Всѣ разнообразныя понятія о красотѣ равно законны*». Господинъ Антоновичъ видитъ въ господинѣ Ч* и его книгѣ извѣстныя красивыя (правильныя) основанія — господинъ Писаревъ видитъ въ той-же книгѣ совершенно другія красивыя черты. До сихъ поръ положеніе господина Писарева не рушится — но вотъ начинается онъ оспаривать Антоновича. Для чего? — чтобы переубѣдить его. Почему хочетъ онъ переубѣдить его? потому что находитъ его понятіе о книгѣ Ч* незаконнымъ; слѣдовательно не всѣ понятія о красотѣ равно законны. Изъ этого слѣдуетъ, что

3) «*Эстетика разысывается въ прахъ*» — только кажу-щимся образомъ и вся статья Писарева словопреніе и пустозвонъ.

Мы сказали уже много разъ: вся гибельность вліянія Ч* была въ оглушеніи людей. Вотъ рѣзкій и весьма хорошій обращикъ, подтверждающій наши слова. Оглушить людей значитъ, неправда ли? лишить ихъ способности здраваго пониманія. Логическіе выводы дѣлаются посредствомъ извѣстныхъ приемовъ умственной дѣятельности, носящихъ разныя названія: наведеніе, подведеніе, силлогизмъ и пр. и всякій знаетъ, что они значать. Ну вотъ, напримѣръ, реторическая форма «дилемма». Во всякой реторикѣ прочтете вы, что дилеммою называется такое заключеніе, въ которомъ противникъ запирается съ двухъ сторонъ и ловится во всякомъ случаѣ, — согласится онъ или не согласится съ приведенными доводами. Дилемма дѣйствительно орудіе страшное, изъ подъ дѣйствія котораго вы-браться невозможно: тутъ дѣйствительно выхода нѣтъ. Но посмотрите на дилемму господина Писарева, взятую имъ у Ч*: «или надо выключить архитектуру изъ числа искусствъ, или надо причислить къ искусствамъ садоводство, мебель-

ное, модное, ювелирное, лѣпное мастерство» (8). Въ разборѣ книги Ч* сказали мы, что всѣ эти дѣятельности чело-вѣка давнымъ давно причислены къ изящнымъ иску-ствамъ, — и дилемма Писарева и Ч* распадается какъ домъ, у котораго подрыто основаніе; — будь сколько нибудь знанія въ этихъ обоихъ господахъ по предмету, о кото-ромъ они говорили, — двойная ошибка обоихъ была-бы невозможна. Незнаніе повело ихъ къ тому, чтобы видѣть дилемму тамъ, гдѣ ея совсѣмъ не было; и, мало того, въ примѣрѣ этомъ представленъ у насъ и самый способъ рас-пространенія нелѣпости: Ч* сказалъ глупость, Писаревъ принялъ ее за доказанную правду и пошелъ дальше.

А вотъ и другой обращикъ, который послужить намъ какъ для того, чтобы доказать, что Писаревъ ровно ни чего не смыслить въ искусствѣ, такъ и для того, чтобы вывести противорѣчіе его самому себѣ.

«Истинному искусству, говоритъ онъ, нѣтъ рѣшительно никакого дѣла до экономическихъ соображеній». (9), Ложь вдоль и поперекъ. Пойдите вы, милостивый государь, въ академію художествъ и спросите вы у архитекторовъ, — не дается ли имъ, при заданіи проектовъ, стѣсняющаго условія цѣны, которой не должно превысить возводимое зданіе. Или это по вашему не экономическое условіе? Я знаю, вы скажете, что подразумѣвали подъ именемъ эко-номическихъ соображеній хозяйство государства вообще. Это другой вопросъ, что деньги въ данномъ государ-ствѣ идутъ не туда, куда слѣдуетъ, что искусство много поглощаетъ противузаконно, т. е. положительно вредно общему хозяйству народа; противъ этого я съ вами и спорить не буду. Вотъ, напримѣръ, мнѣ кажется, что вы какъ художникъ-журналистъ и Ч* какъ журналистъ и романистъ, — жили на деньги отнятыя у мужика. Вѣдь вы-же не сѣяли пшеницы, вы не ворочали колесъ на фабрикахъ, а по вашему только это настоящая произво-дительность! Вы и Ч* положительно принесли вредъ обществу; вы дармоѣдничали и дармоѣдничаете на его счетъ, и не рассказываете мнѣ глупостей, что вы постра-

дали... Но, скажите вы мнѣ, въ чемъ виновато тутъ искусство и эстетика? Эстетика не виновна, что являетесь вы, — она можетъ дѣйствовать противъ васъ только своими средствами, она можетъ дать критику, но не болѣе. Она можетъ, на примѣръ, только напомнить читающему міру о томъ, что вы, въ статьѣ о Базаровѣ, учили людей тому, что есть двѣ чести: гражданская и частная; что лучше сдѣлать нелѣпость, чѣмъ быть битымъ; что страдать за свои убѣжденія значитъ быть не совсѣмъ умнымъ и пр.

Я сказалъ, что изъ вашего-же положенія, будто истинное искусство чуждо экономическихъ соображеній, выведу я противорѣчіе; вотъ оно: вы приводите Тэна (хорошаго критика — это безспорно, — но это ваша единственная опора!?) и говорите, что Рафаэлю была дана задача нарисовать что нибудь «въ простѣнкахъ надъ дверью и надъ окномъ; мѣсто обязывало живопись принять извѣстную форму» (10). Рафаэль далъ здѣсь «Парнасъ» и «освобожденіе св. Петра». (Согласитесь, господинъ Писаревъ, вѣдь вы не знали, что нарисовалъ тутъ Рафаэль)? Позвольте узнать, еслибы искусство не подчинялось экономическимъ соображеніямъ, право, оно не должно бы было одѣвать на себя хомутъ, — вотъ эти-то слова ваши «обязывало принять извѣстную форму», развѣ это не экономическое соображеніе? Но въ этомъ и лежитъ тайна истиннаго художества: сдѣлать многое малыми средствами. Одинъ изъ главныхъ законовъ искусства и эстетики это требованіе экономіи во всѣхъ ея видахъ (экономія средствъ, красокъ, формъ, выраженія и пр.) А что искусство служитъ часто тунѣядству, — въ этомъ виновато не оно, а общество. Будутъ другіе люди — будетъ другое искусство, высшее чѣмъ то, что процвѣтало подъ холою Юлія II, Франца I, Фридриха II и др. Обвинять въ этомъ искусство значило бы обвинять докторовъ въ томъ, что есть болѣзни. За то, что искусство съ величайшею готовностью превращалось въ лакея роскоши, (10) обвинять надо не его, а другія условія жизни.

Не вы первый замѣтили, господинъ Писаревъ, что искусство всегда служило разврату, дармоѣдамъ, высшему обществу. Еще старикъ Катонъ, при жизни блаженной памяти республики римской, ратовалъ противъ всѣхъ проявленій искусства: онъ считалъ болтуномъ даже Сократа; онъ говорилъ: лучше пусть спросятъ, «отчего не поставлена статуя Катону»; — чѣмъ «почему она поставлена»; онъ продалъ на рынкѣ коверъ вавилонской ткани, доставшійся ему по наслѣдству; онъ преслѣдовалъ страсть женщинъ къ нарядамъ, онъ не прочь былъ уничтожить всѣхъ плясунуновъ съ плясуньями, привезенныхъ Л. Сципіономъ изъ азіатскаго похода (Плутархъ, Т. Ливій.) Это гоненіе, какъ на искусство вообще, на связь его цвѣта со временемъ самаго глубокаго разложенія общества, такъ и гоненія на отдѣльные роды искусства — далеко не новость. Кто не знаетъ знаменитыхъ нападеній на театръ со стороны Платона (*de Republ: III, X; de legib: III, VII*), Руссо (*lettre a Monsieur d' Alembert*)? но это была борьба не съ причинами, а съ слѣдствіями; а потому борьба бесплодная. Въ этомъ, а не въ чомъ другомъ, лежала конечно причина книги Прудона объ искусствѣ: онъ понималъ, что заняться уничтоженіемъ его — занятіе вздорное и невозможное; конечно Прудону далеко до Писарева. Уничтоженіе рѣзкаго различія между сословіями, имѣющими все и не имѣющими ничего, совершающееся неудержимо со дня на день, поведетъ художество къ меньшей зависимости отъ богатыхъ. До тѣхъ поръ, пока только въ людяхъ богатыхъ, развитыхъ, встрѣчалъ художникъ основательныхъ цѣнителей, — неудивительно, что онъ былъ привязанъ къ нимъ двойною петлею. Болѣе равномерное распредѣленіе удобствъ жизни и развитіе человѣка, увеличивъ число способныхъ и состоятельныхъ цѣнителей искусства, — сдѣлаетъ его не только свободнымъ отъ обязанности гнѣздиться по замкамъ и вилламъ, — но освободитъ даже отъ всякой зависимости и выведетъ въ свѣтъ и веселье народной жизни, народнаго довольства. Да, еслибъ какая нибудь критика, какое нибудь движеніе мы-

сли или самаго человѣка были въ состояніи сказать общей машинѣ государственной жизни: стой такое-то колесо, работай такое-то, и слова эти приходили въ исполненіе простымъ переводомъ ремней съ одной системы колесъ да другую, — тогда безспорно на обязанности всякаго гражданина лежала бы самая первая: накормить, отогрѣть, одѣть всѣхъ людей. Но это невозможно; — и тогда, признавъ неспособность какого-бы то нибыло гоненія убить искусство, — лучше направлять его возможно хорошими дорогами, къ возможно честной работѣ.

Нѣтъ, господинъ Писаревъ, вы не убьете искусства — за это могу я вамъ поручиться. Въ горькіе дни, которые приходится переживать человѣчеству такъ часто, искусство много, много разъ служило проявленію честныхъ и полезныхъ стремленій. Истинный поэтъ — подарокъ своему столѣтью, и кто знаетъ, на сколько та пѣсня, эта картина, эта статуя участвовали въ жизни человѣчества, — направляя въ ту или въ другую сторону мысли и чувства отдѣльныхъ лицъ.

Выше сказали мы, что незнаніе исторіи искусства заставило Ч* и Писарева видѣть дилемму тамъ, гдѣ ея вовсе не было, — это-же незнаніе заставляетъ П. сдѣлать ошибку еще болѣе крупную — видѣть извѣстный фактъ въ совершенно обратномъ видѣ. «Если повѣрить этимъ господамъ (историкамъ и туристамъ) на слово, то окажется, что имъ, для основательнаго изученія прошедшаго, совсѣмъ не нужны письменные документы; они берутся угадать и рассказать вамъ всю подноготную на основаніи мраморныхъ поэмъ и гранитныхъ эпопей» (12). Передъ тѣмъ, чтобы сдѣлать дальнѣйшую выписку, обратимъ-те вниманіе наше на слова «для основательнаго изученія прошедшаго». Въ нихъ П. признаетъ необходимость изученія исторіи, — эти слова пригодятся намъ весьма скоро. Далѣе говоритъ П: «туристъ будетъ всегда угадывать вѣрно, по той простой причинѣ, что онъ, какъ человѣкъ довольно начитанный, будетъ всегда знать заранѣе, что именно въ данномъ случаѣ должно быть угадано». (12).

Это совершеннѣйшая перестановка вещей съ ногъ на голову. Вся археологія работаетъ именно изъ за того, чтобы по памятникамъ не несущимъ никакого знака времени своего происхожденія узнать это время и опредѣлить его характеръ. Самъ Писаревъ приводитъ великолѣпный примѣръ связи, существующей между пудрою и XVIII вѣкомъ: «искусственность и вычурность этой моды показываютъ намъ, что преобладающимъ значеніемъ пользовалось въ тогдашней Европѣ сословіе совершенно праздное, которое, отъ нечего дѣлать, принимало съ восторгомъ самыя нелѣпыя выдумки» (13). Писаревымъ взяты для примѣра 18 вѣкъ, — вѣкъ, о дѣяніяхъ котораго, благодаря праздности высшаго сословія, дѣйствительно сохранилось столько письменныхъ памятниковъ, что пудра, парики и все искусство барокко и рококо — являются намъ только иллюстраціею. Иначе стоитъ вопросъ объ архитектурѣ этого времени. Кто ѣздилъ по Европѣ и въ самыхъ глухихъ, заброшенныхъ мызахъ бароновъ и замкахъ князей встрѣчалъ, отъ Штутгарда и Карлсруэ до Берлина и Праги, эти улитки, витушки, позолоту, амориновъ рококо въ неисчислимыхъ обрашникахъ, — тому становится яснымъ и нагляднымъ почему такъ неудержимо пронеслась французская революція по всей нашей части свѣта. Самая заброшенность этихъ замковъ говоритъ безконечно много о давно пережитомъ времени — и говоритъ не для краснаго словца, а для поученія и назиданія.

Еще иначе стоитъ вопросъ о временахъ болѣе далекихъ, — и тутъ припомнимъ слова Писарева о необходимости изученія исторіи. Изученіе это нужно. Но тутъ же поднимается вопросъ, на сколько нужно это изученіе? можно-ли сказать: это стоитъ изучать, — этого изучать не стоитъ. Нужно ли намъ, на примѣръ, знать находились ли въ связи древніе Этрурцы съ жителями прибалтійскихъ береговъ или нѣтъ; нужно намъ знать торговали-ли Финикіяне съ Китаемъ и Индіею, какъ далеко шли эти знаменитые торговые пути современные Вѣстхому Завѣту, — эти поѣздки въ Тарсисъ и Офиръ? возможно-ли для насъ или

не возможно возстановленіе исторіи знакомства Египта съ Вавилономъ, — можемъ-ли мы нуждаться въ болѣе точномъ опредѣленіи распространенія Норманновъ и пр. и пр. Вотъ тутъ, гдѣ письменные памятники умолкаютъ, — гдѣ туманъ и сомнѣніе ложатся на историческое изслѣдованіе, — тутъ остаются только два проводника для мысли изслѣдователя. Одинъ — это искусство и его памятники. Благодаря трудамъ послѣдняго времени, хронологія древняго міра возстановлена почти несомнительно по памятникамъ Египта. Открытіе Лайардомъ знаменитаго базальтоваго обелиска въ Ниневіи (теперь въ British Museum) — сдѣлала правду изъ сказки походовъ ассирійскихъ владыкъ на Индію; зубчатый орнаментъ, обвивающій все норманскія постройки и найденный въ Гренландіи, говоритъ намъ о томъ, что Америку посѣтили европейскіе гости ранѣе Колумба; исторія развитія нашихъ церковныхъ куполовъ могла бы дать поучительныя и важныя свѣденія о нашемъ знакомствѣ съ востокомъ и пр. и пр.

Идя еще глубже въ прошедшее, историка покидаютъ и памятники, — остается одинъ только проводникъ: языковѣднѣе. Сравнительное языковѣденіе, сдѣлавшее громадныя успѣхи со времени Боппа до Макса Мюллера, открывши намъ по корнямъ словъ, по ихъ родству, хотя блѣдную, но вѣрную картину доисторическаго міра, — можетъ конечно тоже быть отрицаемо. Къ чему намъ знать о томъ, чего нѣтъ? но потрудитесь провести черту между тѣми историческими свѣденіями, которыя по вашему нужны, и между тѣми, которыя не нужны — и вы остановитесь въ недоумѣніи, если только вы добросовѣстный изслѣдователь. Но вы не можете быть добросовѣстны, — потому что ваша голова работаетъ вкривь и вкось. Вы, напавшій такъ сильно на возможность читать исторію народа по памятникамъ, — сами же указали на связь XVIII вѣка съ пудрою; вы же приводите слова Тэна: «вездѣ искусство и духъ соотвѣтствуютъ другъ другу, такъ что искусство выражаетъ духъ, и такъ что духъ выражаетъ искусство». (31). И эти слова приводите вы не для того, чтобы

ихъ опровергнуть, а чтобы поддержать себя, вы говорите что эти слова сказаны «откровенно и смѣло».

Вотъ, господинъ Писаревъ, что значили ваши извращенныя, кривыя пониманія науки: вы щелкали по ней, потому что не имѣли понятія о ней; вы двигались, подстрекаемый вашимъ здравымъ смысломъ и, положимъ даже, весьма честными намѣреніями, — но безъ всякаго знанія, и уже теперь вы совершенный *О* въ русскомъ мірѣ. Я бросаю перчатку всякому, кто вздумаетъ отрицать слѣдующее: по Писареву, какъ по художественному памятнику Россіи конца XIX вѣка, можно получить самое полное понятіе о извѣстныхъ слояхъ нашего общества этого времени и ихъ требованіяхъ. Человѣкъ будущаго вѣка, если онъ вздумаетъ заняться литературою нынѣшняго и прійдетъ въ бібліотеку — вотъ что онъ скажетъ:

Дайте мнѣ, господинъ бібліотекарь, сочиненія Писарева. Библіотекарь черезъ 100 лѣтъ конечно не будетъ знать имени Писарева и обратится къ каталогу. Каталогъ поведетъ его на такую-то отдаленную полку, самаго отдаленнаго шкапа, даже дальше теозофіи, алхиміи и астрологіи — и онъ принесетъ потребованное сочиненіе.

Фу, какая скверная бумага, скажетъ ученый, какое изданіе! — какъ однако скверно издавали въ тогдашней столицѣ (я предполагаю что столицею будетъ уже не Петербургъ). А посмотримъ, что писали въ тогдашней столицѣ? и откроетъ ученый Писарева, и какъ увидитъ онъ, что писалъ этотъ Писаревъ; и какъ сообразитъ онъ, какія причины вызвали явленіе такого Писарева; и какъ станетъ онъ разсуждать о причинахъ перенесенія столицы — такъ тотчасъ увидитъ онъ, почему надо было разжаловать Петербургъ изъ званія столицы. Увидитъ онъ, въ чемъ лежали причины нашего умственнаго безплодія, увидитъ въ какой Вильдбадъ было бы необходимо послать нашъ нынѣшній литературный міръ, — чтобы сдѣлать его способнымъ къ полной и гармонической жизни, къ отправленію супружескихъ обязанностей; и многое другое увидитъ онъ, и все это по одному господину Писареву. И отрицайте

вы мнѣ послѣ этаго, что изученіе искусства не уясняетъ жизни народа, произведшаго его?!

Вообще говоря у этихъ господъ была удивительная страсть къ какимъ-то перегородкамъ въ области мышленія. Возмутся они разсуждать о чемъ нибудь; говорятъ, даже толково говорятъ, слова льются такъ хорошо и вдругъ стой... отъ чего? дальше нѣтъ ходу. Вотъ образецъ этой удивительной способности. Писаревъ говоритъ о естественномъ пѣніи, что «оно возникаетъ само собою, въ минуту радости или грусти, изъ потребности излить накопившееся чувство, а вовсе не изъ стремленія къ прекрасному» (16). Пѣть человѣку можно только или въ минуту горя, или въ минуту радости, — трудно и невозможно предположить, чтобы онъ сталъ пѣть для того, чтобы шевелить языкомъ. Если вы мнѣ уступаете эти двѣ причины (всѣ другія, болѣе или менѣе, подходятъ подъ эти), я докажу вамъ самымъ положительнымъ образомъ, что человѣкъ поетъ, побуждаемый стремленіемъ къ прекрасному. а) Если онъ грустенъ, то пѣсня его, само собою разумѣется, будетъ вертѣтся на одномъ: на стремленіи облегчить грусть (свѣтлымъ воспоминаніемъ, надеждою), — а это облегченіе непременно, по самой сущности своей, будетъ мечтою о лучшемъ, — т. е. о прекрасномъ; б) если человѣкъ веселъ и поетъ — что дѣлаетъ онъ, собственно говоря, въ эту минуту? онъ хочетъ развить, увеличить, обобщить свое веселье; — этимъ дѣйствуетъ онъ противъ скоропроходимости веселья, отнимаетъ отъ него, насколько можетъ, эту скоропроходимость и этимъ самымъ (лишая слабой, дурной стороны) выказываетъ, что побудительною причиною его пѣсни было стремленіе къ прекрасному (въ данномъ случаѣ исканіе болѣе долгой жизненности).

Но не въ этихъ словахъ Писарева лежитъ вышеупомянутая перегородка, а вотъ въ чемъ. Пѣсню какъ порожденіе чувствъ онъ допускаетъ, — отъ чего-же не допускаетъ онъ, что такое же чувство позоветъ другого человѣка къ рисунку каррикутуры, къ воспроизведенію милой ему головки? какъ только вы допускаете это, — вы допу-

скаете искусство, вы допускаете эстетику. Да не только рисунокъ, пѣсню, нѣтъ, — самое изустное слово, красивую и правильную рѣчь должны вы отрицать и только тогда, сравнивъ все великое и воодушевляющее въ жизни съ землею, спаливъ, какъ кухарка перья гуся на вертѣлѣ, все выступающее на поверхности души человѣка въ чувствѣ и желаніи, — только въ такомъ случаѣ, говорю я, можно бы было сказать о васъ: онъ былъ не правъ, но зато онъ былъ послѣдователенъ. Этими словами моими разоблачаю я васъ и вашихъ изъ одной изъ лучшихъ ризъ вашихъ, изъ ризы — послѣдовательности. Вы были лжепопами даже въ этомъ, — и тотъ, кто скажетъ: они были послѣдовательны, — или положительно слѣпъ, или не хочетъ быть зрячимъ. Жаль, безконечно жаль, что вамъ не оставили времени договориться и сдѣлали изъ васъ какихъ-то страдальцевъ; тогда какъ вы были просто говорунами, не больше.

Я отказалъ вамъ въ послѣдовательности, я сказалъ этимъ, что у васъ нѣтъ логики; вотъ вамъ еще обращикъ этого недостатка винтиковъ въ отправленіяхъ вашего мозга. Вы защищаете миѣніе Ч*, будто образъ художественный только блѣдный намекъ на дѣйствительность — и какъ защищаете вы это? Вы говорите: «известно, что высшій родъ поэзіи — драма; лучшія драмы — писаны Шекспиромъ; — чтобы дать его образамъ опредѣленность, необходима цѣлая новая отрасль искусства — искусство актера... Но одна и та же роль играется различными актерами совершенно различно, и все-таки одинаково (?) удовлетворительно; значить, всѣ они понимаютъ вѣрно, и поэтический образъ уподобляется неопредѣленному уравненію, которое допускаетъ множество различныхъ рѣшеній» (17). Иными словами говоря, вы сказали вотъ что: изъ возможности разныхъ проявленій одного и того же существа заключаю я о томъ, что существо это неопредѣленно, то-есть, изъ того, что георгины могутъ быть лиловыя, красныя, мохровыя, большія, малыя и пр. заключаю я, что самая георгина существо неопредѣлен-

ное. Да наконецъ самый примѣръ вашъ, — развѣ изъ того, что неопредѣленное уравненіе неопредѣленно, можно вывести заключеніе, что оно только блѣдный намекъ на правду, а не правда? посредствомъ неопредѣленныхъ уравненій дѣлаетъ математикъ и механикъ свои сложнѣйшіе выводы статики и динамики.

Въ томъ, что у васъ нѣтъ логики, обвинять надо вашего учителя Ч*; онъ говоритъ въ «Эстетическихъ отношеніяхъ»: «привычка изображать любовь, любовь и вѣчно любовь, заставляетъ поэтовъ забывать, что жизнь имѣетъ другія стороны, гораздо болѣе интересующія человѣка вообще». А позвольте узнать, что-же такое былъ романъ вашего знаменитаго учителя? Какъ эстетикъ объявляю я, что онъ относится къ типу самыхъ ложныхъ произведеній, потому что онъ относится къ произведеніямъ кучки, секты (произведенія тенденціонныя); я объявляю, что Ч* былъ непослѣдователенъ себѣ и, осмѣявъ поэтовъ за ихъ вѣчную любовь, — принявъ въ основаніе своего романа любовь-же, только глупую, одностороннюю, имѣющую только очертаніе любви; я объявляю, что этою стороною своею онъ былъ губителенъ и вреденъ, какъ вся его дѣятельность, — и много разбитыхъ жизней лежитъ на совѣсти автора. — Вы достойный ученикъ его. — Вы кончили свой разборъ его книжки выпискою именно тѣхъ словъ, въ которыхъ лежала вся гибельность его вліянія, словъ, говорившихъ: «наука не думаетъ быть выше дѣйствительности», и опредѣлившихъ этимъ, кто знаетъ сколько зла, позора и, даже, преступленій.

Я не буду слѣдить за ходомъ вашей статьи въ борьбѣ ея съ критикомъ «Современника», человѣкомъ отнюдь не менѣе самонадѣяннымъ, чѣмъ вы; разница между вами обоими была вотъ какая: вы, чтобы объяснить комунибудь чтонибудь, подносили къ нему объясненіе подъ самый носъ, — такъ близко, что ужъ и видѣть нельзя было ничего — оставалось только слушать васъ; вашъ противникъ, чтобы объяснить какуюнибудь вещь, вопросъ, —

относилъ его въ отдаленіе, одѣвалъ въ какіе-то талары и тоги философіи и метафизики, и говорилъ: «вѣрьте мнѣ, въ этой завернутой штукѣ спрятана богатая истина, вѣрьте мнѣ, это говорю я, критикъ «Современника», ученикъ Ч*»; но и тутъ, при всемъ желаніи, видѣть нельзя было ровно ничего, — и оставалось только одно — слушать. Мнѣ достаточно, чтобы знать общій характеръ Антоновича, — одного того, что онъ защищалъ Ч* и его книгу. Защита такой книжонки могла быть предпринята или по неимѣнію логики въ головѣ, или по тенденціонности, — что равно дурно. Но само собою разумѣется, — сравнивать Писарева и Антоновича невозможно, хотя Писаревъ и талантливѣе. Пойдемъ, однако, дальше.

Писаревъ называетъ преслѣдованіе человѣкомъ одной идеи, въ ущербъ всѣмъ остальнымъ идеямъ, — нарушеніемъ равновѣсія, которое проявляется, какъ въ Архимедѣ и Ньютонѣ, такъ и въ пьяницѣ и игрокѣ (24). Затѣмъ пускаетесь вы въ защиту «нѣкоторыхъ», слова употребленнаго вашимъ противникомъ для обозначенія васъ. Этихъ «нѣкоторыхъ» относите вы къ Архимедамъ и пьяницамъ, къ людямъ горячимъ и неразумительнымъ, вся жизнь которыхъ наполнена стремленіемъ къ одной цѣли, всѣ дѣйствія, слова и мысли окрашены одною преобладающею и безотвязною страстью, передъ которою блѣднѣютъ и исчезаютъ всѣ постороннія соображенія и всякіе побочные интересы. Они думаютъ, читаютъ, пишутъ, принимаютъ на себя различныя хлопоты и непріятности (?) и все только для того, чтобы расшевелить умственныя способности окружающихъ людей; предаваясь безраздѣльно своей глупой страсти, эти глупые «нѣкоторые» ищутъ и находятъ въ ней одной главные источники своихъ страданій и своихъ наслажденій, своихъ сомнѣній и своихъ надеждъ. Они чувствуютъ себя счастливыми, когда они видятъ, что сколько нибудь впередъ подвинулись къ своей цѣли; они злятся и волнуются (?!), когда обстоятельства отбрасываютъ ихъ назадъ или заставляютъ топтаться на одномъ мѣстѣ. Если они помѣшаны, какъ про нихъ го-

ворятъ, то они во 1-хъ) очень послѣдовательны въ своемъ помѣшательствѣ; во 2-хъ) совершенно искренни въ своемъ помѣшательствѣ.

Остановимтесь здѣсь, отдохните читатель. Писарева ей-ей никто не просилъ хлопотать и еще имѣть за это неприятности. Какое намъ дѣло, въ самомъ дѣлѣ, до его надеждъ и сомнѣній, до его помѣшательства, если оно есть, — до того, наконецъ, что онъ злится и топчется на мѣстѣ... Онъ именно этимъ-то безконечно милъ и наивенъ, что топчется на мѣстѣ, даже въ томъ случаѣ, когда его никто не просилъ объ этомъ, а обстоятельства сдѣлали это; помѣшательство же отъ того, что оно послѣдовательно и искренно (а оно всегда таково), тѣмъ не менѣе помѣшательство, — и въ васъ оно есть положительно.

Читатель вѣроятно помнить, какъ въ концѣ разбора книги Ч*, говорили мы, что какъ она, такъ и вся дѣятельность автора были направлены на оглушеніе людей. Вотъ Писаревъ одинъ изъ этихъ «нѣкоторыхъ». Знаете, чѣмъ бы можно было остановить сразу потокъ лирики господина Писарева? надо бы было спросить его: на какой рѣкѣ стоитъ Мадритъ или сколько царствъ природы? Какъ вы думаете, отвѣтилъ-бы онъ или нѣтъ? Ей-ей, читатель: если эти господа также много смыслятъ въ другихъ наукахъ, какъ въ исторіи искусствъ и эстетикѣ, — честь имѣю поздравить. Неволинъ, кажется, сказалъ гдѣ-то въ энциклопедіи молодымъ юристамъ: господа, сначала ваше дѣло покажется вамъ безконечно легкимъ, — но чѣмъ дальше будете вы работать, тѣмъ труднѣе будетъ оно вамъ казаться. Ч* и Писаревы стояли у самаго входа въ науку, и имъ все казалось легко, все такъ просто, такъ удобосваримо. Бей все на повалъ, новое взойдетъ само собою. Но не только что новое не всходитъ, но даже старое не валится. Не смотря на Писаревыхъ и Благосвѣтловыхъ, Сѣровъ и Даргомыжскій пишутъ свои оперы, Флавицкій далъ княжну Тараканову (до Писарева — но ею будутъ восхищаться всегда), Клодтъ воспроизводитъ русскій пейзажъ, какъ истинный художникъ; Иоанна Грознаго ѣдутъ смо-

трѣть толпами и, наконецъ, о ужасъ! Случевскій и Стасовъ пишутъ объ искусствѣ. Кусайте ваши губы, топчитесь на мѣстѣ; жаль, ахъ какъ жаль, что насъ съ вами сдерживаетъ цензура. Говорить-то не вы одни мастакъ, господинъ Писаревъ!

Не звономъ словъ, не красотою рѣчи ведутся люди къ развитію. Долгій трудъ и добросовѣстная работа — вотъ единственный путь движенія, въ которомъ революціи играютъ не болѣе и не менѣе, какъ роль клауновъ. Порядокъ не хорошъ, неправильностью кровеобращенія страждетъ человѣчество, но пособить этому могутъ не горчишки и катапласмы. До тѣхъ поръ, пока Чацкій будетъ намъ казаться умнымъ человѣкомъ, до тѣхъ поръ нѣтъ намъ спасенія, а что-же дѣлать, когда вещь озаглавлена «Горе отъ ума»?! развѣ Добролюбовы, Писаревы, не Чацкіе?

Но мы въ долгу у читателя: мы назвали Писарева явленіемъ комическимъ, — почему? Комическое, во всѣхъ его проявленіяхъ, имѣетъ одну общую черту: доведеніе сознанія зрителя или читающаго до крайнихъ предѣловъ возможнаго и опредѣленія, этимъ именно, необходимости обратнаго движенія. Физика научаетъ насъ очень простому опыту: стоитъ нанести какую нибудь краску на листъ бѣлой бумаги, долго смотрѣть на нее и потомъ перевести взглядъ на бѣлую бумагу, — глазу покажется другая краска, дополняющая первую. Слѣдовательно, извѣстную краску можно видѣть двумя способами: непосредственно смотря на нее, и посредственно, какъ дополненіе къ другой. Возвышенное даетъ чувствовать положительный, присущій идеаль, — комическое даетъ чувствовать тотъ-же идеаль, какъ отрицаніе. Писаревъ, на человѣка, не имѣющаго рѣшительно никакой причины особенно любить или не любить его, — производитъ именно это впечатлѣніе. Самъ онъ наконецъ даетъ кое-какіе черты этому опредѣленію: на примѣръ, та минута его жизни, когда онъ злится и топчется на мѣстѣ, хотя его никто не проситъ объ этомъ.

Но комическое, по самой сущности своей, допускаетъ

и грусть, возбуждаетъ ее въ другихъ. Возбудить-ли Писаревъ грусть въ томъ будущемъ археологѣ будущей столицы, о которомъ говорили мы выше, это конечно рѣшить невозможно. Какойнибудь Биша, посвящающій всю свою жизнь изученію тканей живаго организма; Харвей, работающій почти исключительно надъ кровообращеніемъ; Дöлингеръ, Пандеръ и Бэръ, посвятившіе лучшую часть своей жизни знакомству съ куринымъ яйцомъ и зародышемъ; Эренбергъ, изучающій только микроскопическій міръ; Моммзенъ — знающій только римскую исторію; Целлеръ — только греческую философію, Буссенго, Либихъ — только земледѣльческую химію, Соловьевъ — только русскую исторію, Герхардъ — только древнія вазы, Бу-слаевъ, Срезневскій — только русскую поэзію и искусство, Васильевъ — только восточные языки, Григорьевъ — только западныя части центральной Азіи, — эти люди могутъ и будутъ значить что нибудь въ общемъ развитіи человѣчества. Нельзя не отнести къ этимъ-же честнымъ и безконечно полезнымъ дѣятелямъ и тѣхъ неизвѣстныхъ, что сидятъ надъ статистическими таблицами и собираютъ въ краснорѣчивыхъ и ясныхъ цифрахъ — законы будущихъ изслѣдованій и улучшеній. Сюда-же отнесетъ добросовѣстный наблюдатель и этихъ поэтовъ и художниковъ, что собираютъ, выражаясь совершенно правильно, эти-же цифры, и ведутъ къ тѣмъ-же изслѣдованіямъ и улучшеніямъ, таковы: Гогартъ, Вильки, Ауэрбахъ (его «Auf der Höhe» — ошибка), Егоровъ, Гоголь, Островскій (его «Мининъ», «Тушино» — ошибки) и другіе, каждый въ своемъ родѣ, по своимъ средствамъ и призванію.

Но вы, господинъ Писаревъ!! одни заглавія статей, нахлестанныхъ вами, говорятъ впередъ всякому, что вы — вздоръ. Порадуйтесь: я сообщу вамъ любопытный фактъ; недавно назвалъ мнѣ, одинъ изъ увлеченныхъ вами, — въ доказательство возможности всесторонней дѣятельности — кого-бы вы думали? Вольтера. Вы и Вольтеръ? и это вамъ не лестно. Я тотчасъ-же перебилъ моего ученаго собесѣдника, сказавъ, что Вольтеръ не писалъ ста-

тей по политической экономіи, педагогикѣ, естествовѣденію и проч.; что Вольтеръ именно потому что онъ поверхностенъ, — давнымъ давно умеръ; что сравнивая васъ съ нимъ, онъ оскорбляетъ васъ: вы вѣроятно-же знаете всю недобросовѣстность, чтобы не сказать больше, этой личности, этого Аретина 18-го вѣка.

Нахлестывать слова, выхлестывать свои мысли, оставлять имъ полную свободу бѣжать, какъ вздумается, то русскими тройками въ оглобляхъ, то нѣмецкою тройкою у дышла, то чухонскимъ гуськомъ; окрашивать ихъ цвѣтами бенгальскихъ огней, — и думать, что съ переменною окраски измѣнилась и мысль; вѣшать на нихъ красивыя одежды, выставляя на показъ на одномъ и томъ-же болванѣ сегодня — маркиза, завтра — хидальго, послѣзавтра — самоѣда, это — ужасная, развѣдающая, смертельная болѣзнь. Пусть смѣются надъ приведеніемъ выписокъ, страницъ, кто хочетъ; пусть видятъ въ этомъ фатовство, нарумяненную ученость, глупость, наконецъ; но отъ того, что въ нихъ увидятъ это, — еще не будетъ доказано, что они таковы, какими кажутся. Да не въ томъ господа дѣло, чтобы привести Требоніана, котораго я читалъ только въ выпискахъ; не въ томъ дѣло, чтобы поставить рядъ цифръ цѣлаго ряда сочиненій. А въ чемъ-же спросите вы?

Обратитесь къ двумъ картинкамъ, къ двумъ образамъ, господа. Возьмите двухъ людей — одинаково талантливыхъ, одинаково краснорѣчивыхъ, одинаково умныхъ, здоровыхъ и проч. Взглянемте на самый порядокъ работы писанія обоими.

Одинъ изъ нихъ садится за столъ съ цѣлію писать о томъ-то. Свѣтлая, правильная мысль озарила его голову. Мысль эта стоитъ передъ нимъ въ полной ясности, въ полномъ облаченіи своемъ, — она увлекаетъ его, она заставляетъ забывать о всемъ остальномъ. Какъ хорошо, думаетъ онъ, какъ плодотворно войдешь ты въ жизнь счастливая мысль; какая экваторіальная сила растительности погонить тебя въ ростъ, — какими золотыми плодами отродится твое органическое прозябаніе, — какъ

сладко будетъ поѣсть этихъ плодовъ и сказать: я насадилъ, я взростилъ васъ... Онъ пишетъ: образы за образами, правды за правдами, красоты за красотами выходятъ изъ подъ пера. Прошелъ день, два, три, и мысль на бумагѣ, и она доступна всякому, и она вошла въ міръ въ ясляхъ-ли конюшни, въ молочномъ-ли морѣ индѣйскаго ученія, и ею пользуются, и она творить добро. И счастливъ, написавшій ее; счастье рождаетъ новую мысль, успѣхъ — третью, черезъ недѣлю готово второе созданіе, черезъ годъ ихъ пущено пятьдесятъ-два. Вся душа чело-вѣка ушла въ эти вещи, вся жизнь людей — нашла въ нихъ свои объясненія; что-же дальше? Сила, желаніе писать не унялось; успѣхъ зоветъ на новое, ученики и почитатели — жаждутъ еще и еще. Писать надо, надо во что бы то ни стало. О чемъ писать? о всемъ уже говорено — надо обратиться къ жизни, къ опыту. А что, въ самомъ дѣлѣ, сдѣлала жизнь въ эти пятьдесятъ-двѣ недѣли? ✕ Она шла своимъ черепашымъ шагомъ, она съ любовью и старательностью занималась отдѣлкою мелочей, она зачала два-три новыхъ вопроса, она разрушила одно-два старыхъ убѣжденія. Но эти вопросы, эти убѣжденія были разобраны нашимъ писателемъ на третьей на пятой недѣлѣ его дѣятельности. Что-же дѣлать ему бѣдному? Писать нужно, писать хочется, писанія требуютъ. Ему остается три пути: а) пересилить себя, замолчать, сойти со сцены, сказавъ себѣ: большаго, лучшаго не создамъ я; б) начать пережевывать давно пережеванное, вернуться вспяť, уйти въ дробныя, мелочныя отдѣлки, повторять зады, топтаться на мѣстѣ; в) насиловать себя самого, жать изъ сухой губки послѣднія двѣ-три капли, сохранившіяся въ ней, жать дольше, сильнѣе... физика говоритъ, что при сильномъ сжатіи, треніи, ударѣ и т. д. рождается тепло; вмѣсто ясныхъ и разумныхъ выводовъ являются привидѣнія, вмѣсто мыслей — грезы, вмѣсто правды — сказки. Человѣкъ ударяется въ невозможное, чудодѣйное, и тутъ, дѣйствительно, чувствуетъ онъ себя въ новой жизни, въ новой энергіи творить. Все широкое

поле возможности, предположеній, софистики, картинности — открыто ему. Онъ живетъ опять, но какъ живетъ онъ? эвнухъ блестящаго гарема, окруженъ онъ первыми красавицами міра; онъ понимаетъ, по старой памяти, ихъ красоту, онъ вѣчно съ ними, онъ на свободѣ съ ними, но онъ эвнухъ... Физиолого-психологическимъ поискомъ, самымъ благодарнымъ въ этомъ отношеніи, — должно бы было быть изученіе Писарева и его состоянія душевнаго въ настоящую минуту. Мы не на столько не скромны, чтобы присутствовать, хотя мысленно, при обѣдахъ его и проч.; но въ душу Писарева хотѣли-бы мы заглянуть!

Возьмемъ-же теперь нашего другаго человѣка, равнаго съ первымъ по способностямъ и пр. У него есть глупая, смѣшная привычка приводить выписки, означать страницы, украшать себя заемными украшеніями. Таже свѣтлая мысль, что и первому, запала въ его голову, — она также ясна ему какъ и первому, онъ также хочетъ скорѣе ввести ее въ жизнь, дать ей возможность говорить; но у него есть глупая привычка означать страницы и дѣлать выписки, — это требуетъ много, много времени. Совершенно механически удерживается онъ надъ своею мыслью. Мысль стоитъ у него на глазахъ долго, долго. Онъ обходитъ ея съ тѣмъ и другимъ человѣкомъ, писателемъ, философомъ; онъ, что ни день работы, открываетъ въ ней новыя, невѣдомыя стороны, — онъ провѣряетъ себя, провѣряетъ другихъ. Работа его подвигается медленно, шагъ за шагомъ, — но за то она добросовѣстна, менѣе подвержена ошибкѣ, легче можетъ найти оправданіе. Сила фантазій и чувства, замкнутая, удерживаемая въ желѣзныхъ обручахъ времени сдавливается, усиливается, растетъ съ давленіемъ. Пока, такимъ образомъ, работа его подвигается впередъ тяжело, тихо, — жизнь, внѣ его, ставитъ также тихо свои вопросы. У этого человѣка всегда будетъ о чемъ говорить; онъ никогда не заговорится и не будетъ имѣть недостатка въ содержаніи. И что будетъ причиною этого? сноски, одни только сноски.

Само собою разумѣется, читатель, что есть между

этими крайностями всё среднія ступени хорошихъ и дурныхъ проявленій. Буквоѣдство съ одной стороны будетъ придирааться къ знакамъ, цифрамъ, забывая о мысли, — противоположное этому, поведетъ къ Писареву и Сведенборгу. Сведенборгъ говорилъ положительно только изъ себя одного и что-же наговорилъ онъ? какой нибудь археологъ Гейне давалъ почти исключительно буквы и цифры. — Идя отъ Гейне къ лучшему — мы доходимъ до Лессинга; идя отъ Сведенборга въ лучшую сторону мы приходимъ къ Вѣлинскому.

Я сказалъ, что художники въ родѣ Гоголя, Шекспира, Гогарта собираютъ тѣ-же статистическія цифры въ жизни человѣчества, какъ и политико-экономы. Кто знаетъ: изъ двухъ цифръ, — одной данной политико-экономомъ, другой — художникомъ, которая важнѣе, которая плодovitѣе?! споръ о молотѣ и наковальнѣ! Какъ тѣ, такъ и другіе указываютъ на болячки общества, и въ этомъ смыслѣ какой нибудь «Гражданскій Бракъ», — вещь бездарнѣйшая сама по себѣ, — поспорить въ значеніи съ любимымъ столбцомъ отчетовъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Вы господинъ Писаревъ писали для того, чтобы мѣшать людямъ спать, чтобы не давать имъ времени облежаться и прорости своими руками и ногами въ землю и спуститься такимъ образомъ до степени растенія, — напрасно не сдѣлались вы художникомъ: хорошій романъ будетъ приводить въ движеніе сердца многихъ, многихъ поколѣній, — а объ васъ позабудутъ, или, что хуже этого, ваше имя сдѣлается и сдѣлалось уже кличкою! Да-съ, ваши имена влички!!

Велика наша родина, и сообразно съ величиною своею, имѣетъ, она большую голову, большія уши большіе глаза. Въ большихъ ушахъ залегло безконечно много сѣры; для того, чтобы вынуть ее надобны рычаги длиною съ Уральскій хребетъ и силы океановъ, пущенныхъ на мельничное колесо. Вы кричите: прочь съ искусствомъ, прочь съ исторією, — давайте намъ цифръ, механиковъ, инженеровъ, политико-экономовъ. Хорошо, — пусть будутъ у

васъ всё эти люди; пусть знаете вы всё тайны раз-
 витія общества; пусть будутъ готовы у васъ предпрія-
 тія громадныя, замыслы исторической важности, но...
 кто поручится мнѣ, что эти механики, инженеры не обо-
 крадутъ меня, слѣдуя теоріи *двухъ честей* и правилу
наука ниже дѣйствительности!? Вотъ на эту-то нрав-
 ственную сторону человѣчества дѣйствуетъ искусство въ
 его всеоружіи. Вы кричите: какое намъ дѣло до теорій
 и философствованій, хлѣба давайте намъ... Хлѣба у васъ
 отъ этого не прибавится, а философами вашими будутъ
 Благосвѣтловы и Писаревы. Да поймите-же вы разъ на
 всегда: нѣтъ и не можетъ быть историческаго движенія
 безъ нравственности. Вѣдь какъ-бы ни двигали вы впе-
 редъ ваши естественныя и политическія предпрія-
 тія, — въ основаніи-то вашей шахматной игры лежитъ шашка,
 единица, человѣкъ. Ну, если этотъ человѣкъ будетъ мо-
 шенникомъ, за однимъ столомъ съ которымъ прилич-
 ной женщиной нельзя будетъ сидѣть, потому что этому
 самцу можетъ вдругъ придти въ голову воспользоваться
 своею физическою силою? или если этотъ человѣкъ спалъ
 въ прихожей у...; я буду окруженъ механиками,
 но въ каждомъ будетъ по двѣ писаревскихъ чести;
 я буду окруженъ естественниками — и въ каждомъ
 изъ нихъ могу увидѣть отца моихъ дѣтей, сдѣлавшагося
 отцемъ для наблюденій, для пользы науки; я буду окру-
 женъ политико-экономами — и долженъ буду видѣть въ
 деньгахъ, назначенныхъ моимъ дѣтямъ смазку ихъ фан-
 тастическихъ предпрія-
 тій! Да поймите-же вы разъ на
 всегда, что только цѣльно и полно можетъ развиваться
 государственная жизнь, — что усиленный ростъ одной
 изъ составныхъ частей организма дѣлается не иначе, какъ
 въ ущербъ другимъ. Поймите вы наконецъ, сколько же-
 ланія истинной пользы, или, чтобы сказать вамъ лю-
 бимое вами слово, — либеральности въ нападкахъ на
 Ч*, Писарева, Благосвѣтлова. Это тормазы, сидящіе
 на нашихъ ногахъ, — Клеоны Аристофана! Тартюфы
 Мольера!

Жалко и больно оглянуться мнѣ назадъ на критику, мною написанную. Можно-ли критиковать Писарева? Трата словъ и времени. Относительно Писарева, собственно говоря, критики быть не можетъ. Но что-же долженъ дѣлать человѣкъ, желающій идти противъ Минаевыхъ, Курочкиныхъ?... Научная критика къ нимъ не примѣнима, пародій писать на нихъ нельзя — они напишутъ сами съ три короба. А между тѣмъ они сидятъ между нами, они поѣдаютъ деньги бѣднаго народа, ничего не дѣлая; они прыщутъ изъ фельетоновъ, недѣльныхъ обзорѣній, стиховъ, грязью и тиною своихъ убѣжденій (относительно ихъ это слово неумѣстно); они заплевываютъ всякое честное явленіе, всякій посильный трудъ, приносимый съ большимъ или меньшимъ дарованіемъ. «Что дѣлать» противъ нихъ? противъ нихъ вооружается сатира.

Тамъ, гдѣ законъ не властенъ преслѣдовать; тамъ, гдѣ подъ лохмотьями и плѣсенью, подъ тонкимъ сукномъ и шелкомъ скрывается грязь и безстыдство, смѣющееся надъ общественнымъ мнѣніемъ, — тамъ является бичемъ сатира. Не въ стихахъ будетъ дѣйствительна противъ нихъ сатира, они съумѣютъ переуродовать ея; — нѣтъ, въ прозѣ, въ голой и неизысканной прозѣ. Сатира пройдетъ вездѣ: она съумѣетъ выставить личность въ сторонѣ отъ ея имени; она увидитъ все, вездѣ; она вынесетъ на своихъ могучихъ плечахъ тѣ черныя и затхлыя тайны, что не могутъ появляться въ спокойной и созерцающей критикѣ. Неуловимая, неосязаемая, принимающая всѣ формы и виды, она кольнетъ и щипнетъ, она крикнетъ и гикнетъ... Сатирѣ все возможно, она всемогуща. Сатира, милостивые государи, это Мальтусовское препятствіе распространенію населенія, — не предупреждающее, но карающее, положительное; — за нимъ, гдѣ оно пройдетъ, лежатъ мертвецы и уроды.

Вотъ тебѣ, читатель, лирическое начало сатиры. Бѣлинскій называлъ сатиру ложнымъ родомъ поэзіи, и въ

этомъ одна изъ громаднѣйшихъ, юродивѣйшихъ ошибокъ его.

Я покажу въ весьма непродолжительномъ времени, что критики у насъ не было; — у насъ были философы, публицисты, моралисты, фельетонисты и пр. и пр. но критики у насъ не было. А поверхностному взгляду кажется будто у насъ существеннаго только и было, что одна критика.

— Помилуйте? да вѣдь Писаревъ, какъ критикъ, принесъ пользу?

— Всякій человѣкъ, разлагаясь въ могилѣ своей, принесетъ пользу.

— Да вѣдь направленіе было честно, онъ желалъ добра?

— Медвѣдь басни тоже желалъ пустынному добра.

— Да вѣдь въ даровитости ему отказать нельзя?

— Даровитость сама по себѣ тоже, что носъ, глаза, ноги, сами по себѣ и признавая въ немъ даровитость, я не хвалю его этимъ.

— Но эта даровитая личность любила человѣка?

— Да, но она создала двѣ чести, одну гражданскую другую личную и могла пускать въ ходъ, по наущенію здраваго смысла, то ту, то другую честь.

— Онъ не былъ тѣмъ, этотъ Писаревъ, чѣмъ его сдѣлали: онъ признавалъ идею добра, красоты и истины, въ «Нерѣшенномъ вопросѣ».

— Но и онѣ были двойственны: по идеямъ о добрѣ и красотѣ Писарева лучше сдѣлать нелѣпость, чѣмъ быть битымъ; страдать за свои убѣжденія значить быть не вполне умнымъ.

— Однако онъ пострадалъ за свои убѣжденія?

— За то сколько наслажденія испыталъ онъ, чувствуя себя законодателемъ общества.

— Безобразность откусыванія носовъ не лежала въ ученіи Писарева.

— Но въ немъ лежала Знаменская фланстерія.

— Лютеръ не виноватъ что изъ его ученія вышли перекрещенцы?

— Но Лютеръ билъ этихъ перекрещенцовъ, когда они появились — а Писаревъ не билъ фланстеріанцевъ. Кромѣ того онъ самъ говорилъ, что нельзя общество научить новому сразу, — надо дѣлать временныя уступки. Если Писаревъ и не проповѣдывалъ фланстеріи, это была только временная уступка.

— Неужели-же вы видите въ Писаревѣ одно только самолюбіе?

— На основаніи его же словъ: у него производителенъ только тотъ, кто сѣетъ просо или пшеницу; онъ не посѣялъ ни одной горсти, почему? потому что внутренній голосъ (самолюбіе) говорилъ ему: я принесу больше пользы своимъ писаніемъ. Тотъ-же внутренній голосъ есть и въ Incognito и въ Курочкинѣ (и въ сотняхъ другихъ людей).

— Но эти люди ошибаются — а Писаревъ не ошибся.

— Помилуйте: Писаревъ не можетъ не ошибиться, потому что онъ напимѣръ видитъ дилемму тамъ, гдѣ ея нѣтъ; это значитъ не знать простѣйшихъ правилъ мышленія; его единственный способъ доказательства — это доведеніе до нелѣпости. У меня уши чувствительны, говорите вы ему, что мнѣ дѣлать? Ступайте на морозъ и отморозьте ихъ. Но вѣдь тогда у меня совсѣмъ не будетъ ушей? За то они будутъ нечувствительны. Въ этихъ трехъ строкахъ вся философія Писарева.

Да-съ; Писаревъ мертвецъ — положительно мертвецъ, точно какъ Incognito. Удивляюсь какъ, это могутъ книгопродавцы выставять его сочиненія на выставку въ окна? Говорятъ Писаревъ участвуетъ въ журналѣ съ Благосвѣтловымъ? Какъ такъ съ Благосвѣтловымъ? развѣ онъ могъ сойтись съ Благосвѣтловымъ послѣ статьи Соколова: Журнальное дѣло? Или вы не помните самаго важнаго упрека Рахметова Вѣрѣ Павловнѣ? Ну и чтожь они тамъ будутъ дѣлать, въ этомъ журналѣ? они будутъ выплясывать предсмертннй плясъ, а можетъ быть и просто фанданго съ присядкою, или что нибудь въ родѣ греческаго, сатирическаго кордакса, или просто пляску св. Витта (см. хроники, напр. Limburger chronik Marburg

1828 р. 71)... плясавшіе утомились... Писаревъ былъ мужчиной, Благосвѣтловъ женщиной (наше воображеніе способно представить и это — вѣдь оно сьумѣло воспроизвести Моцарта — Дюссо, Рафаэля — Тюрю?)... Ночь спустилась, — плясавшіе заснули мертвымъ сномъ! Слыхаль-ли ты, читатель, объ странныхъ ракушкахъ: въ одной и той же извѣстковой одеждѣ сидятъ самочка и самчикъ — какая идиллія: это Писаревъ и Благосвѣтловъ въ журналѣ... имени не назову, они вѣдь только этого и хотятъ, чтобъ ихъ называли: авось подписчиковъ прибудеть — «вотъ блины, блины горячи!»

